

Алябьев А.А.

17/11/87

ВЕЧЕРНЯЯ УФА
УФА

17 НОЯ 1987

Поиски и находки

«КАРА-ЮРГА» ДЛЯ АВТОРА «СОЛОВЬЯ»,

или Некоторые страницы жизни замечательного русского композитора А. А. Алябьева

Кандидата искусствоведения, заслуженного деятеля искусств БАССР Людмилу Петровну Атанову вот уже много лет интересует судьба замечательного русского композитора Александра Александровича Алябьева, 200-летие со дня рождения которого не так давно широко было отмечено музыкальной общественностью. Казалось, какое отношение имеет автор знаменитого «Соловья» к Башкирии! И какое отношение она имеет к его творчеству, жизни! «Самое прямое», — ответила Л. П. Атанова и предложила редакции небольшую статью, которая является итогом ее многолетних поисков и содержит ряд малоизвестных, а то и совсем новых фактов биографии А. А. Алябьева.

Жизнь Алябьева полна счастливых и трагических событий, тесно переплетенных друг с другом и достойных внимания любого писателя. Сын губернатора Тобольска, талантливый и известный музыкант в двадцать с небольшим лет, участник Отечественной войны 1812 года (единственный из русских композиторов), проявлявший чудеса мужества, отваги, неоднократно раненный и награжденный, друживший с А. Грибоедовым, Д. Давыдовым, А. Бестужевым, В. Кюхельбекером.

Нелепое происшествие 24 февраля 1825 года перевернуло всю жизнь композитора, набросило на нее трагическую тень: Алябьев был обвинен в убийстве партнера по карточной игре и три года находился в заточении. Именно в тюремной камере он и написал, кстати, свою знаменитую песню-романс «Соловей» на стихи А. Дельвига.

Обвинение в убийстве не подтвердилось, но царские

чиновники все же жестоко наказали Алябьева. Формально он был осужден за участие в азартной карточной игре, которая законом была воспрещена, а по существу за вольнолюбие, за дружбу с неугодными царю Грибоедовым, Денисом Давыдовым, за то, что светская молва связывала его имя с декабристами. Композитор был приговорен к лишению дворянского звания, к ссылке в Сибирь и церковному покаянию. Четыре года он пробыл в тобольской ссылке, а в 1833 году был переведен в Оренбург, где и началась новая творческая страница его жизни, которая особо заинтересовала автора этих строк.

...Алябьева приветливо встретил военный губернатор и большой любитель литературы и искусства В. А. Перовский, видевший в нем не просто ссыльного, а крупного отечественного музыканта.

Композитор быстро освоился в среде оренбургских военных и чиновников, под-

ружился с Владимиром Давыдовым, который был тогда секретарем Перовского, стал участником музыкальных вечеров, создал струнный квартет из офицеров — любителей музыки, а в творчестве его зазвучали новые темы и образы, связанные с традициями и песнями башкир, татар, казахов.

В своем письме из Оренбурга Алябьев делится своим творческим замыслом: «Скоро начну писать башкирскую увертюру, тема чудесная и все по милости милостивого Васи». (Милый Вася — офицер Василий Верстовский, брат друга и соавтора многих сценических произведений Алябьева композитора Александра Верстовского).

В Музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки мне посчастливилось отыскать семь мелодий Оренбуржья, записанных рукой Алябьева. Одна из них — вариант песни о Салавате Юлаеве. Остальные шесть мелодий — курайные наигрыши плясового характера. Эти записи, вероятно, были не единственными, ведь в 1834 году Алябьев создал четыре песни-романсы, в которых использовал башкирские мелодии. Стихотворные строфы, положенные композитором в основу «Азиатских песен», являются вольным переводом на русский язык нескольких башкирских песен, а открывает их протяжная лирическая

«Через кладку я пройдуся». Следующая песня «Зачем я не горный орел» очень близка своей образностью к стихам, сложенным, согласно народным преданиям, Салаватом Юлаевым. В третьей песне балладного характера использована старинная мелодия «Кара-юрга», и лишь четвертая связана не с башкирским, а скорее с казахским фольклором.

До сих пор остается загадкой имя переводчика башкирских песен, использованных Алябьевым в его «азиатском» цикле. В 1836 году они были опубликованы в журнале «Библиотека для чтения» как вольные переводы с башкирского. Имя автора скрыто за инициалами «Н» и «В» и до сих пор не разгадано литературоведами. Думается, что это был оренбургский поэт-революционер Петр Кудряшев, который по мотивам башкирских народных преданий создал повести «Абдряш», «Искак» и был автором вольных переводов с башкирского. Весьма вероятно, что друзья и почитатели безвременного погибшего поэта ознакомили Алябьева с творчеством Кудряшева, в том числе и со стихами в рукописи.

Алябьев пробыл в Оренбургской ссылке полтора года и за это время сумел не только познакомиться с этнографией и песенно-поэтическим творчеством народов

края, но и полюбить его. Оригинальные башкирские и казахские мелодии воспламенили его творческое воображение, вызвали к жизни его оригинальные произведения — «Башкирскую увертюру», чарующий своим изяществом и мелодичностью вокальный цикл «Азиатские песни». Видно, композитор высоко ценил башкирские мелодии, помнил их, потому что спустя 15 лет, создавая оперу «Амалат-бек» на сюжет одноименной повести А. Марлинского, он для арии — характеристики героини оперы прекрасной Салтанат взял темой башкирскую мелодию «Через кладку я пройдуся».

А. А. Алябьев подошел к записям и обработкам башкирских мелодий как талантливый русский музыкант, плененный их красотой и своеобразием. Его фольклорные записи, использование их в своих произведениях в качестве тематического материала — самый ранний пример введения башкирского фольклора в сферу русской профессиональной музыки. Алябьев «Башкирской увертюрой», «Азиатскими песнями» положил начало русскому музыкальному ориентализму, столь блестяще проявившемуся затем в творчестве М. Глинки, А. Даргомыжского, композиторов «Могучей кучки».

Л. АТАНОВА,
кандидат искусствоведения.